

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ТИПА ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ НА *-иц*

В общеславянской словообразовательной системе имен собирательных праславянские типы ж. р. *-иц* и ср. р. *-ице* наиболее выразительны по характеру функций и структурных особенностей. Поэтому вопрос об их происхождении и развитии имеет важное значение для определения лингвистической природы и сущности самой категории собирательности в ее отношении к грамматической категории числа.

В праславянскую эпоху, а затем и в старший период самостоятельного развития древних славянских языков, как можно заключить на основании древнейших письменных данных, образования на *-иц* и *-ице* были четко и строго противопоставлены по содержанию денотативной отнесенности и словообразовательной структуре. В древних славянских языках старшей письменной поры имена собирательные ж. р. на *-иц* производились только от основ имен личных, причем обычно от основ мужского рода, и следовательно, образования этого типа исконно выражали одушевленно-личные собирательные множества, например: ст.-слав. *вратѣи* и *вратѣи* *оі* ἀδελφοί, *fratres*, ἀδελφότης, *fraternitas*, 'братья', 'соплеменники', др.-рус. *братѣи*, *братѣи* 'братья', 'соплеменники', 'товарищи, спутники', ст.-чеш. *bratřie*, совр. мн. ч. *bratři*, ст.-польск. *bracia*, в.-луж. *bratša*, н.-луж. *bratša*, др.-серб. *bram'a*, совр. собир. *brāha*, макед. *bratija* — в тех же значениях, др.-рус. *кѣнѣжѣи*, ст.-чеш. *kněžie*, ст.-польск. *księża*, в.-луж. мн. ч. *knjaža*, н.-луж. *knjaža* и *kněža* 'господа' (ед. ч. *kněz*), рус.-цслав. *рабаицѣи*, ст.-слав. и др.-рус. *сѣмицѣи* (единичн. *sěmь и *сѣминь*), ст.-рус. собир. *дружѣи*, *дядѣи*, *зятѣи*, *шурѣи* и т. п. Ср. образованные по этой модели собирательные в серболужицком языке: в.-луж. *burja* и н.-луж. *buša* 'крестьяне', н.-луж. *kmótsa* 'кумовья' (ед. ч. *kmóts* 'кум'), в.-луж. *mniša* 'монахи' и т. п. В противоположность этому имена собирательные ср. р. на *-ице* в древних славянских языках могли быть образованы только от основ имен существительных, обозначающих неодушевленные предметы. Большей частью это названия растительного мира — деревьев, кустов, трав, побегов, ветвей, листьев, цветов, плодов и т. п., а также наименования предметов неорганической природы, например, ст.-слав. и др.-рус. *ворѣи* (единичн. *воръ* 'сосна'), *връѣи*, др.-рус. *берестѣи*, *връбице*, др.-русск. *връбице*, *вѣице* (единичн. *вѣи*), *вѣтвице*, *гроздице* (единичн. *гроздь*), *гроздовице*, *гръзновице* 'виноград', *гръмѣице* (единичн. *гръмь*) 'кусты, кустарник', *драчице* (единичн. *дражь* 'терн'), *дрѣвице*, др.-рус. *деревице*, *дѣбице* (единичн. *дѣбь* 'дерево', 'дуб'), *ѣлице*, *зелѣице*, *коренице*, *кѣжѣице*, *липѣице*, *листвѣице*, *лозице*, *рождѣице* (единичн. *розга*), *садовице* (единичн. *садъ* 'растение', 'дерево'); *брьнице* 'грязь', *тина*,

грудие (единичн. *груда*), *дружие* (единичн. *другъ* 'кол', 'бревно'), *жъзлие*, *кремение*, *ремение*.

Это противопоставление двух древнейших структурно-грамматических типов славянских имен собирательных проявлялось синтагматически — в различии форм согласования сказуемого с подлежащим, выраженным именами собирательными первого и второго типов. Имена собирательные ж. р. на *-иа*, оформленные в ед. ч., принимали глагольное сказуемое во мн. ч. соответственно грамматической функции форм мн. ч. и материальному значению выражаемого множества лиц. В отличие от них имена собирательные ср. р. на *-иѣ* согласовали сказуемое только в ед. ч., например, ст.-слав. *Ѡзидѣ тръзние и подаки е. Зоґр. ев. Мтф. XIII. 5—6; Бґда юже кѣтѣкѣ еѣ бѣдетѣ млада и прозабнетѣ листѣкѣ. Мар. ев. XIII, LXIX; Донѣдеже поґразнетѣ трѣстие. Сав. кн. Мтф. XIX, 1 об; Камение скато калаетѣ ѣа по земли. Сав. кн. XX, 14; Корение кѣ земаѣж кѣложено выстѣ. Супр. р. XXIV, 42 об и под.* Правило согласования в единственном числе строго соблюдается также в древнерусской, среднеболгарской, древнесербской, а также в старочешской и старопольской письменности. Эта особенность имен собирательных неличного значения имеет не только общеславянский, но и индоевропейский характер. В других древних индоевропейских языках собирательные ср. р. также согласовали сказуемое в ед. ч. Неоднократно отмечалась характернейшая особенность древнегреческого синтаксиса — постановка глагольного сказуемого в ед. ч. при подлежащем, выраженном именем среднего рода в форме мн. ч. (правило τὰ ζῶα τρέφει). В аттических рукописях, по свидетельству И. Шмидта¹, содержатся лишь единичные, обусловленные особыми обстоятельствами, отклонения от этого правила. Оно последовательно соблюдается в Гатах Авесты, отмечено, хотя и реже, в санскрите и в хеттском. Как убедительно доказал И. Шмидт, форма им. п. мн. ч. подлежащего в конструкциях этого типа по происхождению является индоевропейским именем собирательным ед. ч. Установленное различие в согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным именем собирательным личных и неличных значений, указывает на праязыковую закономерность, основанную на древнейшем противопоставлении личных и предметных собирательных множеств. Следует заметить, что оба типа имен собирательных в древних славянских языках, а также и в праславянском языке-основе выполняли функцию форм мн. ч., т. е. применялись как лексические, словообразовательные средства выражения множественности. Это функциональное качество имен собирательных является реликтом древнейшего праязыкового состояния, свидетельствующим о том, что грамматическая категория числа генетически связана с классом имен собирательных. Действительно, образование ряда форматов мн. ч. вызвано исторической трансформацией типов имен собирательных. Имея в виду общность грамматической

¹ *Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Nentra. Weimar, 1889, S. 1.*

функции обоих типов собирательности, можно предположить, что структурное и семантическое различие и противопоставление их отражает древнюю номинальную классификацию предметов действительности, для которой существенным было противопоставление лиц и вещей. Показательно, например, что в восточно-кавказских (дагестанских и вейнахских) языках противопоставление личного и вещного классов составляет основу всей системы грамматических классов имен существительных, и это противопоставление типично для любой номинально-классной системы. Различие в формах согласования глаголов с именами собирательными двух типов может служить еще одним подтверждением того, что в праиндоевропейском языковом состоянии современной системе трех грамматических родов соответствовало противопоставление одушевленного (социально активного) и неодушевленного (социально пассивного) классов предметов. Прямые указания на это содержит хеттский язык, в котором различаются два рода — одушевленный и неодушевленный, или средний, а в др.-греч. склонении флективно противопоставлены в им.-вин. падежах одушевленный, объединяющий мужской и женский, и неодушевленный роды. Различение лиц и предметов, несомненно, составляет основу этого противопоставления, и следовательно, оно было актуально для древнейшего состояния языка и мышления индоевропейцев. Типологические данные указывают на то, что это характерно и для ряда иноструктурных языков — корневого и агглютинативного типов. Индоевропейский средний род как грамматическая субкатегория сформировался на базе вещного класса. Даже в современных индоевропейских языках имена существительные ср. р., несмотря на формализованный характер грамматического значения рода, называют в основном неодушевленные предметы. П. Шантрен, оперируя фактами древнегреческого языка, утверждал, что «средний род означает вещь как нечто противопоставляемое одушевленным существам... Таким образом, имена среднего рода — это первоначально имена вещей»².

Различия в формах согласования объясняются характером восприятия совокупных множеств лиц и предметов. Имена собирательные на *-иш* выражали множества лиц, мыслимые совокупно-дифференцированно, т. е. расчлененно. Каждое лицо, включаемое в совокупное множество, осознавалось как индивидуально значимое. Это подчеркивается согласованием глагольного сказуемого во мн. ч. Напротив, имена собирательные ср. р. на *-иш* выражали недифференцированное множество как однородную массу. Для такого представления совокупности предметов типично согласование сказуемого в ед. ч. Характерно, что личные имена собирательные имели специальные формы сингулятивов, например: *шурия* — *шуринъ*, *сѣмия* — *сѣминъ*, тогда как предметные подобных форм не образуют.

Сведения о происхождении этих типов имен собирательных сводятся к двум различным точкам зрения. Согласно одной из них

² Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, с. 16.

тип имен собирательных на *-ие* представляет собой преобразованное множественное число имен существительных с основой на **-i-* типа *гостие, людие* и т. п., а собир. *братиа* восходит к первоначальной форме мн. ч. *братиа* от предполагаемой, но не известной формы ед. ч. ср. р. **братие*. Эту точку зрения изложил Г. Павский, считавший, что мн. ч. *братья, друзья, князья, зятья* и под. в древнерусском языке «суть остаток того древнего обычая, когда множественное число как вещей, так и лиц выражаемо было единственным окончанием среднего рода *-ие*. Окончание *-ья* в именах *братья, друзья* и пр. есть не что иное, как знак множественного числа имен *братіе, друзіе*, равно как *пругья, каменя, коренья* суть множественное число собирательных имен *пругье, каменье, коренье*. . .»³ Однако никакими действительными фактами из истории славянских языков это не подтверждается. Как будет показано далее, образование собирательных форм ср. р. ва *-ие* от личных имен существительных в древних славянских языках старшей письменной поры, а следовательно, и в праславянский период, было невозможно. Лично-собирательных форм типа **братье* в прошлом вообще не существовало: личные и предметные совокупные множества четко различались в способах выражения. Ошибочность данной точки зрения обнаруживается в рассуждениях другого ее сторонника, К. С. Аксакова: «множественное число, получая значение чего-то, воедино собранного, соединенного или сомкнутого целого, носит на себе оттенок нового имени собирательного, а иногда прямо переходит в новое имя, разумеется, уже единственного числа. Это очень ощутительно, например, в слове *господа*. *Господа* перешло в новое имя женского рода и стало склоняться: *господа, господы, господу, господѣ, господою*, даже звательный: *господо!*»⁴ Легко установить, однако, обратившись к действительным фактам истории русского языка, что развитие собир. *господа* шло иным, прямо противоположным путем — от формы ед. ч. к форме мн. ч., ср. др.-рус. собир. ед. ч. *господа* и совр. мн. ч. *господа*.

Столь же произвольно утверждение К. С. Аксакова о том, что собирательные ср. р. на *-ье* типа *каменье, уголье*, а вместе с ними и *мужьё*, произошли из форм мн. ч. *каменіе, уголіе* и *мужіе*, генетически связанных с древнеславянским мн. ч. на *-іе* склонения **i-*основ⁵. К. С. Аксаков считает, что в истории русского языка мн. ч. *мужіе* (само, как известно, вторичного образования — вместо, исконного *мжжи*) преобразовано в имя собирательное ед. ч. *мужьё*. а собир. *братья* является историческим трансформом мн. ч. *братья*. Однако это не соответствует действительному историческому соотношению имен собирательных и форм мн. ч. Между лично-собирательными новообразованиями типа совр. рус. *мужьё* и древними

³ Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. А. Отделение первое. Об именах существительных. Спб., 1850, с. 292.

⁴ Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М., 1880, с. 106.

⁵ Там же, с. 107.

славянскими формами мн. ч. м. р. основ на *-i- типа *гостие, людие* и т. п. нет генетической преемственности или исторической связи. Это совершенно разные по происхождению формы. В старший исторический период развития славянских языков окончание им. п. мн. ч. *-ie* в склонении имен на *-i- было присуще именам м. р., и в целом оно отличает только данный тип основы, например: *тать* — мн. ч. *татие*, *чрьвь* — мн. ч. *чрьвие*, *оугль* — мн. ч. *оуглие* и т. п. Тогда как форматив имен собирательных ср. р. *-ie* присоединялся к разным основам всех трех родов. Ср., например: *вѣта* — *вѣтице*, *вѣтвь* — *вѣтвице*, *камы* — *каменице*, *быль* — *былице*, *кора* — *коренице*, *тиса* — *тисице*, *трънь* — *трънице* и т. п. В то же время имена собирательные ср. р. на *-ице* выражали, как отмечено, только предметные (неличные) множества, тогда как окончание мн. ч. м. р. *-ie* было свойственно формам мн. ч. имен м. р. *-i- основ как личных, так и предметных значений; ср., например: *гостие* и *пжитие*. Наконец, исторически прослеживаемые тенденции развития грамматических форм в славянских языках таковы, что преобразование детерминанта основы или основообразующего суффикса в окончание вполне возможно и подтверждается историческими фактами, а случаи обратного перехода окончания в суффикс не известны. Поскольку флексия в высшей степени формализована как морфологически значимая (грамматическая) часть словоформы, такой переход означал бы возврат от более высокой ступени грамматической абстракции к более низкой. Но это противоречило бы самой логике развития грамматического строя. Даже утрата надежной парадигмы у имени, как в болгарском языке, исключает подобное явление. Этому не противоречат известные трансформации имен *pluralia tantum* ср. р. в формы ед. ч. ж. р. в новоболгарском языке, например: др.-слав. мн. ч. *kola ср. р. 'повозка', 'воз' — совр. болг. ед. ч. ж. р. *кола* (мн. ч. *коли*) 'телега', 'машина', др.-слав. (южн.) мн. ч. *vrata* ср. р. — совр. болг. ед. ч. ж. р. *вратă* (мн. ч. *врати*) 'дверь', 'ворота'. Здесь флексия *-a* не превращается в суффикс, а только наполняется новым грамматическим содержанием. Подобные факты легко обнаружить и в истории романских языков при сравнении фактов народной латыни и сформировавшихся на ее основе романских языков с классическим латинским.

Концепция К. С. Аксакова имеет ложное методологическое основание. Он исходит не из фактов истории русского языка, а из предвзятой, по сути идеалистической версии об особой «склонности русского человека видеть во множественном... как бы новое имя»⁶. Аксаков рассматривает общеславянские собирательные формы в русском языке изолированно от других славянских языков и даже противопоставляет их древнеславянским формам на основе пресловутой идеи об особых отличительных свойствах народного сознания, не выходя в подлинную историю этих форм, отраженную в письменности.

⁶ Аксаков К. С. Указ. соч., с. 106—107.

Эту концепцию можно было бы считать давно забытым курьезом, если бы она неожиданно не нашла современных сторонников. Так, И. Э. Еселевич вслед за Г. Павским и К. С. Аксаковым тоже утверждает, что собир. *братия* является формой мн. ч. от не зафиксированного письменностью русского языка собир. **братие*⁷. Однако нет оснований предполагать существование в прошлом такой формы. Ясно, почему Еселевич не аргументирует свое мнение.

Совершенно иначе этот вопрос решается на основе сравнительно-исторического анализа. Славянскому типу *-ие* соответствуют санскр. *-yam*, др.-греч. *-ιον* и лат. *-ium*. Ср. ст.-слав. *сѣзніе*, *сѣзнаѣ* и санскр. *svāpn(i)yam*, греч. *ἐνόπιον*, лат. *somnium* 'сновидение', 'сон' наряду со ст.-слав. *сѣзнз*, санскр. *svāpnaḥ*, греч. *ὄπιος*, лат. *somnus*, лит. *sāpnas* 'сон'; ст.-слав. *оустіе* и лат. *ostium* 'вход', 'устье', греч. *φρύγιον* 'хворост' и ст.-слав. *хѣрастіе*. Соответствие славянского форматива *-ие* греческому *-ιον* учитывалось и переводчиками христианских книг; ср. греч. *τοπάκιον* и ст.-слав. *топанасіе* (Син. пс. 164.2). Для праславянского языкового состояния этот форматив реконструируется в виде **-iǫn*. Что же касается окончания им. п. мн. ч. имен м. р. с основами на **-i-*, то оно прямо отражает и.-е. флексию им. п. мн. ч. **-es*, например: **g(h)ostei-es* > *гостіе*, **lēud(h)ei-es* > *людіе* и т. п. Таким образом, форматив собирательности *-ие* и окончание им. п. мн. ч. *-іе* совершенно различны по происхождению. Формативы имен собирательных и отвлеченных ср. р. **-iǫn* и ж. р. **-iǫā* восходят к индоевропейским основообразующим суффиксам относительно-притяжательных прилагательных и причастий **-iǫ-* и **-iǫā-*, вокализированным гласным *-i-*⁸.

К. Бругман, обобщая сравнительно-исторические данные индоевропейских языков, заключил, что в праиндоевропейском языковом состоянии в функции имен собирательных и отвлеченных субстантивировались отыменные адъективы, выражавшие отношение, принадлежность, качество, при этом правилом была субстантивация прилагательного в форме ср. р., что существенно для целостного восприятия совокупного множества. Здесь, в частности, имелись в виду собирательные типа слав. *каменіе*. К. Бругман указал также на то, что иногда в собирательном значении употребляются суффиксы существительных ж. р., обозначающих свойства, например, др.-инд. *janātā* 'команда', 'товарищество', 'группа людей', укр. *бідота*, *темнота*. К этому ряду отнесено и ст.-слав. *братрїа*⁹. Позже В. Вондрак прямо утверждал, что греч. *φράτριā*, а значит и

⁷ Еселевич И. Э. Из истории собирательных существительных (грамматическая история существительного *братия*). — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Сб. 11. Казань, 1976, с. 109.

⁸ Schleicher A. Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. Bonn; 1852, S. 175—177; Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Wortbildungslehre, H. 1. Strassburg, 1889, S. 116—119.

⁹ Brugmann K. Указ. соч., с. 435.

слав. *bratŕьja восходят к субстантивированному прилагательному¹⁰. Таким образом, у Бругмана отчетливо намечена идея происхождения словообразовательных типов имен собирательных в индоевропейских языках на основе функционально-семантического преобразования типов выражения отвлеченно-качественных значений и трансформации качественности в собирательность. Теория происхождения собирательности из первоначальной качественности обстоятельно разработана А. А. Потемной на материале славянских языков, главным образом старорусского, староукраинского и старопольского¹¹. Потемня также считал, что слав. форматив *-ше* отвлеченных и собирательных имен ср. р. развил данные словообразовательные функции в результате субстантивации в праязыке относительнопостоятельных прилагательных на **-iǰō-* в обобщающем отвлеченно-собирательном значении подобно тому, как аналогичные функции получили греч. *-ου*, др.-инд. *-yam* и лат. *-ium*.

И. Ф. Ломан, вслед за К. Бругманом и В. Вондраком, тоже подчеркивал собственно абстрагирующий характер типов собирательности на **-iǰon* и **-iǰā* и отмечал, что собир. *bratŕьja, греч. φράτρία образовано, как *καρία*, ξένια, а *kamēnъje — это собственно средний род прилагательного на **-iǰōs* и, значит, также тип абстрактного свойства¹². Указанным типам (др.-инд. *-yam*, др.-греч. *-ου*, лат. *-ium*) действительно были свойственны значения отвлеченного качества и свойства. Ср., например, др.-инд. *bhrātryam* 'братство'. Однако образование имен собирательных с помощью суффиксов, для которых эта функция является вторичной, характеризует отнюдь не древнейшее, исходное, а качественно новое состояние категории собирательности как определенный исторический этап в ее развитии. Этому этапу соответствуют изменившиеся отношения между именами собирательными и категорией числа. Для новых типов имен собирательных, таких, например, как *-ин(а)*, *-ств(о)*, *-от(а)*, *-ежь*, сложившихся на основе преобразования суффиксов качественности, не характерна важнейшая функция собирательности — замещение грамматических форм мн. ч. Но эта черта, ставшая архаичной уже в дописьменную эпоху и реликтовая в старший письменный период, исконно отличает собирательные типы *-ша* и *-ше*. Поэтому развитие этих типов следует представлять не совсем так, как это мыслилось К. Бругманом, А. А. Потемной и их последователями.

С диалектико-материалистических позиций формирование собирательности в мышлении и в языке представляется не как переход отвлеченно-качественных значений в предметно-собирательные, а как расчленение и дифференциация первоначально синкретичных понятий, в которых органично сочетались качественность (свой-

¹⁰ *Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1924. S. 512.*

¹¹ *Потемня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3. М., 1968, с. 24—36.*

¹² *Lohmann J. F. Das Kollektivum im slavischen. — KZ, 1929, Bd. 56, N. 1—2, S. 44.*

ство, принадлежность, отношение) и собирательность предметов или лиц, объединенных определенным качественным признаком. При этом происходит отвлечение собственно собирательного значения от сопутствующих представлений о признаках или пространственно-временных форм существования множества. Это связано с абстрагированием идеи количества в процессе развития абстрактно-количественных понятий. Поэтому неточно представление, будто развитие собирательности идет от качественности. Собирательность формируется в результате расчленения понятий о качественной и количественной сторонах действительности. На славянской почве собирательные и отвлеченные значения суффикса *-ше* выступают уже как совершенно самостоятельные словообразовательные функции, и не сохранилось явных следов первоначального единства значений качественности и собирательности. В древних славянских языках имена отвлеченные и имена собирательные на *-ше* различаются по своим словообразовательным структурам, а именно, по характеру производящих основ, так что фактически они представляют два самостоятельных морфологических типа. В других индоевропейских языках — санскрите, древнегреческом и латинском сохраняется структурное единство соответствующих словообразовательных типов, и в них можно заметить совмещение конкретных, собирательных и отвлеченно-качественных значений. Так, в санскрите некоторые имена существительные на *-yam* выражают собирательные понятия, например: *kāiṣyam* 'волосы' (собирательно) наряду с *keṣaḥ* 'волосы' (предметно, например: 'конский хвост'), *kāidāryam* 'обилие орошаемых земель' — от ед. ч. *kedāraḥ* 'орошаемое поле'. Вместе с тем этот тип выражает обычно качественные значения. Отвлеченность и собирательность совмещены в греч. *συμπόσιον* 'пиршество' и 'пирующие', *συμβούλιον* 'совет' и 'совет как совещательный орган' и т. п.

Для праславянской эпохи правомерно выделить по крайней мере четыре омоформанта *-ше*: 1) образующий от адъективных, субстантивных и глагольно-именных основ имена отвлеченные качественных значений типа др.-рус. *веселише*, *мудрие*, *обилише*, *разумише*, *свѣтше*, *сѣдружише* и т. п.; 2) образующий от основ страдательных причастий прошедшего времени имена отвлеченного действия типа *знание*, *питише*, *рождение* и т. п.; 3) образующий имена собирательные от основ неодушевленных существительных; 4) образующий имена местные от имен существительных и предложно-именных сочетаний, например: др.-рус. *върховье*, *побережье*, *поморье*, *полѣсье* и т. п.

Анализ фактов древних славянских языков позволяет предположить, что тип имен собирательных на *-ше* выражал собирательное значение не в абстрагированно чистом виде, а более или менее конкретно, представляя совокупное множество в определенных действительных формах его непосредственного, локально-временного или качественного состояния и восприятия. Древнерусские имена собирательные на *-ше* /*-ве*/, как свидетельствуют данные летописей, актов и других источников, близких к народной

речи, выражали наряду с формообразовательным значением отвлеченно-собирательной множественности также лексикализованные — конкретно-предметные и локальные значения (когда множество, мыслимое в совокупности и единстве, осознается как предмет), например: *берестье* 'вязы, ильмы' и 'вязовая роца', *дубье* 'деревья', 'дубы' и 'дубовая роца, дубрава', 'дубняк как межевой знак', *каменье* 'камни' и 'каменистая почва', *колье* 'колья' и 'часть кол', 'изгородь', 'сваи', *тростие* 'тростник' и 'заросли камыша' и т. п. В опредмеченно-качественных значениях собирательной множественности 'лес', 'роца', 'луг', 'цветник' и т. п. данный тип хорошо известен и в других славянских языках. По данным древнесербских грамот XII—XV вв. локально-собирательные значения выражали *нивије*, *гръмије*, *ливадије*, *водѣнчије*, *коупеничије*, *трѣстије*, *орѣшије*, *лозије* и др. Ср. совр. словен. *brezje* 'березняк', 'березовая роца', *gozdovje* 'большой лес' (от *gòzd* 'лес'), *bréstovje* 'берестовый лес', *dobovje* 'дубовый лес', *bičkovje* 'буковый лес' и т. п.

Собирательная функция у суффикса *-ије* несомненно развилась на основе первоначального синкретичного значения, соединявшего идею пространства, предметного множества и качества.

Развитие этого типа шло по пути дальнейшей дифференциации и абстрагирования значения собирательности от иных, сопутствующих и конкретных значений. В этом направлении развития типа *-ије* нашло свое выражение абстрагирование идеи множественности как результат развития и абстрагирования вербального мышления.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Зогр. ев. Зографское евангелие: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.
- Мар. ев. Памятник глаголической письменности Мариинское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1883.
- Сав. кн. Саввина книга. Труд В. Щепкина. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903.
- Син. пс. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Изд. ОРЯС АН. Пг., 1922.
- Супр. р. Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1904.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. VI

кручина

Слово *кручина* много раз служило предметом этимологического анализа. В своем этимологическом словаре Ф. Миклошич приводит старославянские слова *кръчина cholera, bilis, ira, epilepsia* и наглогржчинаство 'вспыльчивость', украинское *кручинитися*, русские